

Александр Грин

Лесная драма

Александр Грин

Лесная драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=569975

Аннотация

«Ганэль инстинктивно не любил темноты: в ее объятиях действительность казалась ему двусмысленной и преступной по отношению к нему, привыкшему с малых лет подвергать свои поступки трезвой критике дня. Поэтому, когда ночь с ее красотами, тоскливой бессонницей и бесполезными вздохами отошла в прошлое, а лес стал виден по-утреннему, – Ганэль покинул таинственный ночлег, умылся свежей надеждой и несколько успокоился...»

Содержание

I	4
II	11
III	17

Александр Степанович Грин Лесная драма

I

Ганэль инстинктивно не любил темноты: в ее объятиях действительность казалась ему двусмысленной и преступной по отношению к нему, привыкшему с малых лет подвергать свои поступки трезвой критике дня. Поэтому, когда ночь с ее красотами, тоскливой бессонницей и бесполезными вздохами отошла в прошлое, а лес стал виден по-утреннему, — Ганэль покинул таинственный ночлег, умылся свежей надеждой и несколько успокоился.

В течение по крайней мере двух часов он терпеливо различал годную для копыт дорогу, устремляя лошадь туда, где ясные лесные просветы, окутанные гигантской бахромой листвы, открывали воздушную зеленую перспективу. Сворачивая из стороны в сторону, перескакивая обросшие папоротником стволы упавших деревьев, заблудившийся человек сначала еще держался какого-то смутного, совершенно фантастического направления, но пышное однообразие чаши скоро утомило его, закружило, переплело мысли о до-

ме с черными винтами ползучих железных палым, саблевидной листвой панданусов, нежными азалиями и высокой травой; этот бесконечный немой хор дышал тревожным ароматом болот и полузасохших ручьев, преследуя обессиленное внимание звоном в ушах и редкими голосами птиц. Вспотев, бледный от тоскливого напряжения, Ганэль изругал тяжеловесной, художественной бранью всех праздношатающихся зверей. Зверь, так неудачно замеченный им милях в тридцати от дома, был молодой рысью; рысь и пуля Ганэля скрылись в одном направлении. На этом следовало бы и покончить, но здесь вмешался дьявол, сделав предположение, что рысь ранена. Ганэль, вняв сатане, расплачивался теперь сутками яростного блуждания в дебрях. Охота – дело бродяг, прогуливающих ценные шкуры за прилавком увеселительных заведений, где им дают четверть того, что могли бы получить они, выждав сезон.

Раздражение Ганэля перешло на весь мир: он находил его нелепым, плохо устроенным, с лесами, лишенными шоссе-ных дорог. Так, злобно продвигаясь вперед, он переживал чувство раскаяния и неопределенной мстительности, как вдруг за донесшимся со стороны треском послышались мягкие удары копыт, и на просвет солнечного пятна выехал всадник.

Движение радостного испуга со стороны Ганэля осталось им незамеченным.

– Наконец-то! Пойдите! – вскричал Ганэль.

Неизвестный остановился, лениво повернув голову. Это был массивный, немолодой человек с седыми висками; изменчивый лесной свет неуловимо играл выражением его спокойного, привычно-надменного лица, блестящего полужитыми глазами. Одного взгляда, брошенного на костюм незнакомца, посадку и худощавую лошадь, было достаточно даже и для такого неопытного в лесных делах, как Ганэль, чтобы он разом уяснил себе, с кем имеет дело.

Ганэль, хотя в нем текла смешанная кровь, был сыном своей страны, где пестрое население иногда показывает городским улицам красноречивую фигуру охотника. За спиной каждого из этих смелых, часто преступных людей болтаются хвосты слухов, перекраиваемые в легенды и сплетни.

Ганэль не любил бродяг. Человек, встрече с которым, несмотря на предубеждение, так искренно он обрадовался теперь, – коротко вздохнул и сделал рукой неопределенный жест; в руке качалось ружье. На одно мгновение Ганэлю почудилось, что глаза охотника смотрят дальше, чем нужно; он машинально обернулся. За плечами никого не было.

– Я один, – сказал Ганэль, удерживаясь от резких проявлений восторга.

– Я заблудился непостижимым образом. Меня зовут Ганэль, я владею двумя фермами на плато Святого Терентия. Торговля маслом. Возвращаясь из города, соблазнился зверьком и... измучен последствиями.

Охотник рассеянно покачал головой, словно Ганэль сде-

лался для него предметом скучных, малоинтересных размышлений.

– Плохо заблудиться, – предупредительно улыбаясь, сказал Ганэль. – Как подумаешь, что сутки пропали даром, теперь пропадают вторые, а жена... – Неуверенный, что супруга жаждет его возвращения, Ганэль бросил эту тему. – Тысяча извинений. Встретив вас, я так обрадовался. Бог, видимо, пожалел меня. «Уж эти-то, – сказал я себе, – отважные лесные скитальцы знают лес, как я свои пять пальцев. Помогите им всевышний! Жизнь их красива и тяжела, это не скучный учет процентов. Что делать? Каждому свое».

Он умолк с некоторым замешательством, так как охотник не заражался его возбуждением, а просто смотрел. В этих зорких неподвижных глазах мог прочесть что-либо только бог, зверь или младенец. Передохнув, Ганэль снова заговорил. Равнодушное молчание охотника подстрекало его болтать всякий вздор вернее затяжных реплик; он мучился, но не мог удержаться, чувствуя все большую неловкость от собственной заискивающей словоохотливости:

– Я жив и боюсь смерти. Кое-где обнаруживаются проказы: говорят, возвратился Фиас, и обглоданный муравьями труп в междуречьи – дело его рук. Может быть, это и пустяки, но странствовать при таких условиях не совсем смешно. Сегодняшний день хорош на всю жизнь. Мне чертовски везет. Увидев вас, я как будто уж прибыл домой. Пожалуйста, укажите мне верный путь!

Охотник вытащил из кармана мешочек с табачными листьями, расправил один из них на колене и принялся свертывать сигаретку так тщательно, что Ганэль обиделся.

Казалось, он не существует для этого человека в лисьей шапке, из-под которой серебрилась проседь висков, внушавшая торговцу одновременно и уважение и терпеливую злость. Ганэль вздохнул, молитвенно складывая руки на лошадиной гриве. Прозрачный дымок окутал лицо охотника; он затаился еще, вынул изо рта сигаретку и сказал:

– Мое имя Роэнк. Мои советы будут вам бесполезны.

– Как? – не понимая, спросил Ганэль. – Места эти, конечно, вы знаете.

– Знаю.

– Итак?!

– Не выйдет толку.

Плотный комок застрял в горле Ганэля; он проглотил его.

– Вы забавляетесь на мой счет...

Охотник опередил его взглядом.

– Глупости. Ищите дорогу сами. Вы заблудились так удачно, что указания не принесут вам никакой пользы. Требуется посторонняя помощь, понимаете. Отсюда вас надо вывести. В противном случае вы сделаете круг и расплатитесь.

– О, я не дурак и очень хорошо понимаю все это, – угрюмо сказал Ганэль, – только вы дело имеете не с нищим. Какую сумму вы желаете получить?

Охотник рассеянно скользнул по комковатой, встрево-

женной физиономии.

– Если бы вы знали, с кем говорите, – хладнокровно сказал он, – то, конечно, были бы осторожнее. Прощайте, у меня совершенно нет времени.

Красный от бешенства Ганэль протянул руку, машинально уцепившись за рукав блузы Роэнка. Он был так взволнован и унижен, что рот его, открытый было для бессвязного лепета, закрылся судорожным движением губ без звука.

– Так, – сказал, наконец, он, – но я могу погибнуть. Вы – язычник. Вы не имеете права!

– Язычник? Пусть так. Хотя вы, по-видимому, желаете объяснения. Это легко. Отпустите рукав. Сегодня, клянусь вам, я занят делом, которое для меня важнее, чем ваше общество. Я делаю его раз в месяц в одно и то же число. Но я сказал и так больше, чем следовало. Прибавлю еще, что сегодня мне более, чем когда-либо, хочется быть с душой, свободной от чужих дел и чужих жизней. Всякий имеет право на это. Прощайте.

– Указания! – закричал Ганэль. – Указания, только одного указания!

– Вы можете сомневаться или нет, это дело ваше, – сказал, побледнев, Роэнк, – но я еще раз повторяю, что слова будут бесполезны.

– Теперь, – с отчаянием произнес Ганэль, – я рад был бы встретиться даже с Фиасом, прозванным Темным Королем, хотя о нем ходят дурные слухи. Этот человек, конечно, был

бы великодушнее вас.

Роэнк отъехал, но обернулся, и грустная улыбка его снова подала Ганэлю некоторую надежду.

Охотник сказал:

– Фиас сообщил бы вам то же самое.

И он удалился сдержанной рысью, нагибаясь и посматривая из-под руки во все стороны.

Раздавленный непонятной жестокостью, с инстинктивным страхом потерять из вида единственного живого человека, Ганэль уныло двинулся вслед за Роэнком, держась, однако, на почтительном от него расстоянии. Деревья стояли реже, круговорот их нарушался залитыми солнцем полянами с травой, достигающей лошадиных морд; ехавший впереди человек казался человеческой головой, плывущей в травяном озере. На ходу, охваченный сложным вихрем воспоминаний, соображений, расплывчатых мыслей, проголодавшийся Ганэль вынул из перекидной сумки кусок жареной свинины, съел ее и стал немного спокойнее; в глубине лесных зарослей лениво кричали птицы.

II

Так двигались они с час, пересекая одну за другой залы полян. Наконец, Ганэль ясно увидел, что охотник остановился. Это повергло торговца в новое замешательство. Он замялся, но через минуту, с оптимизмом, свойственным его касте, решил, что Роэнк раскаялся и поджидает обиженного им человека с очень хорошими намерениями. Все же, прищипывая свою Долорес, коммерсант предусмотрительно стушевался в тень деревьев, думая подъехать незамеченным; в худшем случае это имело бы вид натянутой, но случайной встречи. Расчет его готов был уж оправдаться, так как до охотника оставалось не более тридцати шагов, как вдруг пониженные голоса сзади заставили Ганэля повернуть в сторону. Жестоко проученный для того, чтобы заблаговременно радоваться новым встречам, скорее испуганный, чем ликующий, он притаился и насторожил уши.

Некоторое время казалось, будто сам лес роняет звуки, напоминающие полувнятный шепот; затем, почти вплотную к Ганэлю, шагом, на серой и черной лошадях проехали двое, смутно похожие на Роэнку лисьими шапками и свернутыми у седельных луков одеялами из цветной шерсти. Один, помоложе, сидевший на черной лошади, был краснощекий парень; второй, с глазом, обвязанным куском черной материи, отличался желтым цветом лица и хищной длиной рук. Содер-

жание их разговора, не имеющего в себе ничего специально угрожающего для Ганэля, заставило, однако, последнего воздержаться от демонстрации своей особы и просьб. Краснощекий сказал:

– Если мы не в тылу – все пропало. Он не даст обойти.

– Это игра наверняка, – ответил перевязанный человек.

– Объясните.

– Вы маленький, – жалобно сказал он, – и я должен постоянно вразумлять вас. Раз в месяц, в одно и то же число – в одном месте. Как раз сегодня 11-ое.

– О, – встрепенулся краснощекий, как будто пораженный этим указанием, – неужели бы вы решились? Я отказываюсь понимать вас.

– Глупости, китайская церемония. Деликатность – враг безопасности. Что же остается еще по вашему мнению?

– Я думаю, что...

Конец фразы отлетел глухим бормотанием; ему ответило выразительное «ха» перевязанного человека; круп серой лошади, удаляясь, блеснул на солнце вспотевшей шерстью, и Ганэль облегченно вздохнул. Проклятый лес, полный обманчивого, благоуханного великолепия, таинственных разговоров, шорохов и опасностей, душил его трусливой тоской. Никогда не выбраться ему отсюда!

На ферме, хорошенькой ферме, с розами и вкусным запахом сухого навоза, теперь пьют кофе; в тенистых аллеях и на дворе воздух вздыхает по трескучему, сварливому голосу

Ганэля, а он, как последний бродяга, прячется за деревьями, остерегаясь каждого встречного.

Разжалобленный и злой, измученный и ненавидящий все, Ганэль бессильно посмотрел в ту сторону, где, подняв голову, лошадь Роэнка и неподвижный ее всадник, казалось, ожидали чего-то именно из той части леса, где прозвучал странный диалог. Торговец спешил. Долорес заметно прихрамывала, он не обращал на это внимания, понукая животное бессловесным чревовещанием и солидными ударами каблуков. Он собирался уже выехать из опушки, но в этот момент Роэнк, стегнув лошадь, поскакал влево и исчез среди гигантских деревьев, оставив за собою стиснутые зубы безвредного своего преследователя.

Худшее, видимо, предстояло впереди.

Повернув в ту же сторону, что и Роэнк, Ганэль с решимостью отчаяния стремился догнать охотника, заранее готовый на всякие унижения, лишь бы не остаться совсем одному в пустыне. Инстинктивно держась ближе к голубым вырезам опушки, он проскакал, не разбирая дороги, с полмили, завертелся в седле, оглядываясь, и, вздрогнув, с расцарапанным лицом, еле дыша, круто остановил лошадь, кладя на всякий случай руку по соседству с револьвером.

Перед ним, не далее пятнадцати шагов, блеснули глаза Роэнка. Охотник был не один, он слушал с карабином в руках и тихо покачивал головой. Лицо его выражало нетерпеливое, насильственное внимание. Против него, спиной к красноще-

кому, человек с завязанным глазом усиленно жестикулировал, показывая рукой на север, и быстро, неразборчиво говорил; лошади их обнюхивали друг друга и фыркали.

Ганэль еще не успел сообразить что-либо, колеблясь между желанием объявить себя и желанием провалиться сквозь землю, как вдруг резкое восклицание вывело его из оцепенения, сменив это неприятное ощущение зудом тоскливого любопытства.

– Этому не бывать! – крикнул Роэнк. – И вы это лучше, чем кто-либо, знаете, Нуарес. Проваливайтесь скорее!

– Фиас, – возразил собеседник еще более громким голосом, – упрямство бесполезно, а вы один. Признайте наши права.

Ганэль вспотел. В следующее мгновение ему показалось, что биение сердца, усиливаясь, оглушает его. «Фиас»! Слово это прозвучало эхом в самой глубине его внутренностей. Две верховые фигуры, находившиеся перед ним, как будто вышли из забытого сновидения; в позах их было что-то угрожающее и высокомерное. Душа Ганэля съежилась и заныла. Кто они? Холодея, он вообразил на одно мгновение, что именно его особа служит предметом грозного собеседования.

Новый приступ волнения заставил Ганэля пропустить мимо ушей целый ряд фраз; он успокоился лишь тогда, когда услышал следующее заявление Роэнка-Фиаса:

– Я охотился у этого озера, Нуарес, еще в то время, когда вас драли за уши. Вы можете угрожать, преследовать, но я

не изменю себе. Озеро принадлежит мне!

– Нет!

– Говорите «нет», если это вам нравится.

– Да, я говорю и подтверждаю.

– Как хотите.

– Фиас, мне поручено сегодня в последний раз поговорить с вами. Когда я отъеду – будет поздно.

Охотник поднял голову.

– Ты отъедешь с пулей в голове, собака, если не оставишь меня! – Он щелкнул курком, а Нуарес бешеным движением взвил лошадь на дыбы и прыгнул в сторону.

– Темный Король! – закричал он, исчезая в тенях и солнце леса. – Ты сегодня заплатишь мне с процентами! Берегись!

Фиас пригнулся к седлу в тот самый момент, когда из стволов грянул белый клубок дыма.

Удержав свою гнедую кобылу, он прицелился, выстрелил и поскакал в том направлении, куда скрылся перевязанный человек.

Бледный, как рука чахоточного, Ганэль машинально схватил ружье, не решаясь тронуться с места. Долорес вытянула шею, почувствовала пороховой дым и протяжно заржала. Торговец проклял судьбу; оглушенному сознанию его казалось, что ржет не только животное: что лес, небо, земля, воздух и даже сам он, Ганэль, залились этим пронзительным, дребезжащим, осужденным продолжаться до бесконечности, мучительным лошадиным криком.

Теперь он не сомневался, что присутствие его, конечно, замечено. Это подтвердил выстрел, раздавшийся в отдалении. Пуля, противно жикнув у самого лица Ганэля, щелкнулась о дерево, оставив после себя желание лететь сломя голову прочь – куда-нибудь, без остановки и рассуждения.

Ганэль, дернув изо всей силы повод, ссадил руку и ударил Долорес кулаком между ушей.

III

Озеро – предмет спора охотников – совсем не интересовало Ганэля. Проскакав заросли, избитый кустами и сучьями, он в изнеможении остановился на границе леса. Девственная трава леса блестела нежным, как глубина неба, поворотом реки; на горизонте, за плавающими точками птиц, синело далекое плоскогорье. Жаркая тишина обнимала землю; ее нарушил выстрел.

Слишком натерпевшийся, чтобы и теперь потерять голову, Ганэль ограничился на этот раз сознанием временной безопасности. Пышно разросшаяся опушка скрывала его вместе с загнанной лошадей. Судьба, как видно, определила ему быть свидетелем лесной драмы. Он посмотрел в направлении выстрела: из травы, возле бесформенного серого пятна, плыл тонкий дымок; он не успел растаять, как рядом с ним вспыхнул другой, и звук, напоминающий треск сломанной палки, пролетел в лесу.

«Кто в кого? – подумал Ганэль. – И куда летят пули?»

Забыв об усталости, поглощенный жутким созерцанием смертельной игры, он устремил взор к расползающимся зловещим дымкам; тотчас же справа от него ответил карабин Фиаса. Враги Темного Короля и он сам были невидимы. Торговец лишь заметил провал смятой травы и желтое пятно шапки. Угадав, что это тот, кого он ненавидел теперь всем

существом, Ганэль рассмеялся.

– Их двое, голубчик, – мстительно прошептал он. – Посмотрю я, как ты выкрутишься.

Неизбежные для злорадного ума мысли о провидении и возмездии услужливо осенили пылающую голову Ганэля, он сладострастно повозился с ними и стал смотреть. Враги торопливо обменивались выстрелами; иногда, низко хватая траву, пули просекали ее особенным звуком, напоминающим разрыв тонкой материи.

Тянулся дым; прозрачный его налет льнул к траве или медленно отходил в сторону; от этого зрелища веяло пожаром души, смятением и сосредоточенным, сквозь стиснутые зубы, дыханием человека. Фиас выстрелил, по счету Ганэля, семь раз; восьмого он ждал, но в этой части зеленого лугового тумана наступила вдруг полная тишина. От серого пятна грянул еще выстрел, потом другой, и все стихло. Тогда, как будто ничего не случилось, краснощекий медленно вынырнул из травы, заслоня себя вихляющимся в его руках телом убитого Нуареса. Черная лошадь, вместе с своей товаркой служившая защитой от пуль, вскочила и встряхнулась, а серое пятно судорожно било ногами, усиливаясь подняться: простреленная спина не держала его. Краснощекий прыгнул в седло через плечо прислоненного им к лошади Нуареса и поскакал прочь; труп, согнувшись, упал; Фиас выстрелил. Беглец обернулся, прокричал что-то и нырнул в темную колоннаду леса.

Проводив круглыми от беспокойства глазами конную фигуру, Ганэль увидел Темного Короля. Фиас встал медленно и неровно, как бы неуверенный в победе; выпрямившись, он уронил карабин и не обратил на это внимания. Лошади у него не было. Постояв немного, он тронулся, слегка пошатываясь, к месту засады, остановился, поднял руки и опустил их, дрожа всем телом. Ганэль не видел его лица; перед ним, удаляясь, двигалась, размахивая руками, приседающая человеческая фигура в шапке, иногда сворачивая в сторону или отступая назад, как бы с намерением кружиться на одном месте. Движения его делались все более возбужденными и насильственными; он упал.

«Если рана смертельна, Темный Король не встанет», – подумал обрадованный Ганэль, вытянув шею.

Фиас неуклюже, тихо ворочаясь, утвердился на четвереньках, оттолкнулся руками и выпрямился. С колен подняться труднее: он сделал это не ранее, чем через минуту, почти теряя сознание от боли и слабости. Когда он пошел снова, Ганэль вспомнил танцующих на канате.

– Дело обстоит плохо, – сказал торговец. – Этот продырявлен насквозь.

Охотник, одолев некоторое расстояние, упал вновь, лицом вперед, но мягко и очень медленно.

Истерзанный тревожными впечатлениями Ганэль, вздыхая, уныло и терпеливо ждал. Фиас не шевелился, его плечи неподвижно темнели в траве; быть может, он набирался сил,

оглушенный внезапным головокружением.

Зной усиливался, тени становились короче, земля тяжело вздыхала, отравленная сухим безветрием. Фиас лежал.

– Роэнк! – пугаясь собственного голоса, крикнул Ганэль. – Фиас!

Птица, певшая над его головой, умолкла; почти уверенный, что для Темного Короля все кончено, Ганэль направился к нему рысью, с чувством свирепого добродушия и снисходительности, естественной у человека, обиды которого заглажены чужой смертью. Пестрая от крови трава, встреченная копытами лошади, заставила его зажмуриться. Ему не было ни страшно, ни весело, ни тоскливо, ни скучно; продолжительное отчаяние проветривает некоторых людей, делая их пустыми. Шагах в трех от Фиаса Ганэль спешился и, вытягивая голову вперед, а рукой крепко прижимая к спине повод, любопытно заглянул сбоку. Охотник лежал грудью на краю небольшого, грубо обделанного камня; ноги Фиаса, согнутые с колен, неестественно расползлись; голова, охваченная руками, пряталась в складках шерстяной блузы. Бессильная поза человека выражала смерть. Ганэль так это и понял; соболезнующее, на всякий случай, лицо торговца приняло выражение тупой задумчивости.

Подойдя вплотную, он щелкнул пальцами.

– Такова участь отчаянных. Я жив.

Эта мысль без слов походила на торжественный удар кулаком в грудь. Потом заинтересованный Ганэль осмотрел ка-

мень. В верхней его части темнело круглое углубление, род маленькой ниши, прикрытой стеклом. За стеклом желтела выцветшая от времени фотография, изображавшая молодую женщину. Под нишей, правильно высеченная твердой рукой, тянулась надпись:

Беглецы из Порт-Энна. 11 ноября.

Мери Роэнк, 24 лет.

18.. года.

Бессмертна.

Измученный Ганэль поднял брови. Наплыв сложных и непривычных мыслей заставил его долго жевать губами. Могила или причудливый кабинет? Подумав, он искренно возмутился:

– Была ли эта женщина женою Фиаса или любовницей – она, судя по всему, умерла, и надпись являлась отчаянным, преступным кощунством; за это и погиб Фиас. Ловушка Нуареса основана на точном математическом расчете: раз в месяц имела все шансы за себя и ни одного против. Конечно.

С постным сердцем, равно враждебным смерти и бессмертию, охваченный суеверным предчувствием, тоскою по дому и раздражением против непонятных поступков некоторых чрезмерно гордых людей, Ганэль поместился в седло и направился к берегу неизвестной реки. Ровно через трое суток в лагере переселенцев его снабдили, за хорошую сумму, лодкой и проводником, но в настоящее время он не знал, что так случится. Поэтому, обернувшись к месту недавней

схватки, он, в виде мести за свою мнимую гибель, – искренне пожелал камню и трупам провалиться в недра земли.